

В классе читается и комментируется глава «Будни», где даются характеристики гимназических учителей. Предлагается детям вместе с Тёмой отправиться в гимназию, посидеть на уроках, поиграть «на рекреации». «Возвратившись» на реальный урок, знакомимся с учителями Тёмы.

Последний урок у Томилина, учителя естественной истории. Ученики ведут себя с ним свободно и непринуждённо, но уважительно. Его «обычное, как будто небрежное: “Здравствуйте, дети!” — ...током пробежало по детским сердцам и заставило их весело встрепенуться». Узнав, что Тёма не выучил урок, Томилин огорчённо спрашивает: «К следующему классу выучишь?» Взгляд учителя приветливый, ласковый, «проникающий в самую глубину его души».

Почему Тёму притягивает взгляд этого учителя? Почему Тёме кажется, «что он давно-давно уже видел где-то вместе и мать, и Томилина, и себя»? — Томилин «щадит чувство собственного достоинства ребёнка», как и Аглаида Васильевна. Тёма так хорошо с этими удивительными людьми, матерью и учителем... «Я очень люблю папу. И маму люблю, и Еремея, и Бориса Борисовича — всех, всех».

Пятый урок, преподанный Тёме и читателю Томилиным, — «Возлюби ближнего своего».

Дома ребята пишут сочинение на тему «Человек, возле которого мне хорошо и спокойно...».

Главы «Иванов» и «Ябеда» прочитываются заранее дома. Урок можно начать с «повторения пройденного». Выясняя уровень восприятия прочитанного, предлагаем вопрос: «Какой урок и от кого получил Тёма в этих главах?» (Если ученики затрудняются в ответе на этот вопрос, задаются промежуточные: 1. Какие события описаны в главе «Ябеда»? 2. Что переживает Тёма, выдав невольно Иванова? 3. Кто успокаивает душу мальчика? 4. Какой урок даёт Тёме мать?)

Тёма приходит к матери и сам рассказывает о том, что случилось в гимназии. Слышит от неё: «Всё достается тяжёлой борьбой в жизни. В этой борьбе ты уже нашёл сегодня одну свою слабую сторону... Когда будешь молиться, попроси у Бога, чтобы он послал тебе твёрдость и крепкую волю в минуты страха и опасности». По сути — это повторение первого урока.

Тёма, испугавшись исключения из гимназии, невольно выдал своего одноклассни-

ка, совершившего подлость. На какое-то время мальчик становится в классе изгоем, переживает то же ощущение отрезанности от мира, что и на первых страницах повести. Но теперь он понимает, что произошло, понимает, что на его месте только очень сильный человек не сломался бы. Пятиклассникам в силу возраста трудно понять эту нравственную дилемму: чьи нравственные законы и ценности более важны, семейные или товарищеские? Тёма выбирает семейные, в этом благополучие и здоровье родителей и будущее его, Тёмы. При этом мальчик чувствует себя виноватым перед классом, страдает от этого. И опять возле него — мать. Она объясняет своему «не устоявшему в первом бою сыну», что грех можно искупить. Хорошо, если человек понимает, в чём он согрешил. Плохо, если не понимает своего греха. Если человек осознаёт свой проступок, может назвать его словом, следовательно, он готов к покаянию и исправлению. Он должен, по возможности, исправить последствия греха, дать себе слово никогда больше не повторять этого и сдерживать данное слово.

Поздним вечером, «охваченный каким-то особенным, так редко, но с такой силой посещающим детей огнём веры, — жарко молился, прося Бога послать ему силы ничего не бояться».

Не раз ещё маленький Тёма вспомнит «смерд колодца», который ничто по сравнению «со смердом души». Потом будет желание удрать в далёкую Америку, чтобы избежать экзаменов, будет «провал» на экзамене, будет желание убить себя, будет раскаяние (повторение урока «Прощаются тебе грехи»), будет переэкзаменовка, будет радость и счастье.

Последний урок, данный матерью в этой повести: «Слава Богу, — и мать медленно перекрестилась. — Перекрестись и ты, Тёма. Но Тёме показалось вдруг обидным креститься: за что? Он столько уже крестился и всегда, пока сам не стал учиться, резался на экзамене.

— Я не буду креститься, — буркнул Тёма...

— Ах, какой глупый мальчик! Если ты и занимался... и выдержал, так кто же тебе всё дал?»

На этом заканчивается история Тёмы Карташёва, заканчиваются уроки духовности и нравственности, на которых вместе с

Тёмой присутствовали и нынешние пятиклассники.

— Какой урок из преподанных Тёме оказался для вас очень кстати?

— Можете ли вы сказать, что душа Тёмы любящая и добрая?

— Кто «взрастил» добрую и нежную душу Тёмы?

— Что значит, по Гарину-Михайловскому, быть матерью? («Да, она уж не жила своей жизнью, и всё и вся её заключалась в них, в этих подчас и неблагодарных, подчас и ленивых, но всегда милых и дорогих сердцу детях».)

Благодаря этим урокам повесть «Детство Тёмы», как и вся тетралогия Гарина-Михайловского, должна быть прочитана «духовными глазами». В этом случае перед взором детей предстанет здоровая христианская семья, где один отец и одна мать, которые совместно представляют единый — властвующий и организующий — авторитет в семейной жизни. В этой естественной форме авторитетной власти ребёнок впервые убеждается в том, что власть насыщена любовью, является благодатной силой и что порядок в общественной жизни предполагает наличие такой власти. Он начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчинённого, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но, наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе⁷.

Повести о Тёме Карташёве весьма актуальны в наше время, так как дают представление о традиционной русской семье, основанной на православных традициях, что немаловажно, учитывая нарушенность преемственности традиций духовно-нравственного воспитания в семье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мф. 10, 24.

² НИЧИПОРОВ Б.В. Введение в христианскую психологию. — М., 1994. — С. 116.

³ Свят. Иоанн Златоуст. 46—721.

⁴ Иисус Сирахов 3—5.

⁵ 1Кор. 11, 8.

⁶ Мф. 9, 2.

⁷ ИЛЬИН И.А. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1993. — Т. 3.

И.Л.АЛЬМИ. «ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ» (СПб.: Скифия, 2009)

Ещё Л.Н.Толстой с досадой говорил о критиках и читателях, которые извлекают отдельные мысли из литературного произведения: «Для критиков искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателем в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений».

Доктор филологических наук, профессор Владимирского педагогического университета

Инна Львовна Альми исходит в своих аналитических этюдах, посвящённых творчеству русских поэтов и писателей XIX века, из особого понимания эстетической целостности художественного произведения. Признанную ныне в школьном изучении категорию «внутренний мир» произведения она дополняет близкой по смыслу, но несколько иной по содержательной установке — «внутренний строй» произведения. Слово «строй» подчёркивает рукотворность: «мир» отвечает на вопрос «что?»; «строй» — на осознанно

вопрошающее «как?». Термин «строй произведения» охраняет явную память об авторском замысле и, следовательно, содержит зерно вопроса о характере и средствах его воплощения. Внимание И.Л.Альми привлекает «постройка» произведения — зримое воплощение творческой авторской мысли.

Талант И.Л.Альми заключается в присущей исследовательнице редкой чуткости к художественной детали. Секрет художественной целостности произведения, считает она, как раз и заключа-

ется в том, что в нём каждая отдельная деталь стремится выразить целое с максимальной полнотой. Литературное произведение всегда «стремится к тому, чтобы в каждый данный момент предстать целиком перед читателем или слушателем» (Т.Манн). Категория целостности в художественном строе произведения относится не только к единству входящих в него частей, но и к каждой из них в отдельности.

В статье «Из истории миниатюры в русской поэзии XIX—XX веков» И.Л.Альми анализирует, например, жанр лирической миниатюры, в которой «лирическое переживание выступает в итоговом обобщённом, предельно завершённом его выражении». И вот через эту художественную деталь в общем многожанровом строе истории литературного процесса XIX—XX веков исследовательнице удаётся показать контуры общей картины движения и развития отечественной литературы по крайней мере за полтора столетия.

Обострённое внимание к художественной детали позволяет при вдумчивом чтении открыть новое даже в хрестоматийном «Зимнем вечере» А.С.Пушкина. «Повышенная известность творения искусства чревата собственным негативом, — утверждает И.Л.Альми. — Его стоило бы назвать издержками избыточного знакомства. Привыкание гасит слух; начинается выветривание смысла вещи».

Исследовательский пафос И.Л.Альми заключается в стремлении назвать это особенное, что изначально живёт в художественном тексте, но перестаёт восприниматься в процессе многолетнего привыкания. Так, голос бури имитирует в «Зимнем вечере» звуки сугубо деревенские: вой

зверя, плач ребёнка, шуршание соломы «на крыше обветшалой», поздний стук в окно. Однако ведь соломенная крыша для барского дома столь же неестественна, насколько она привычна в крестьянском обиходе. Именно в избы, как правило, стучал «путник запоздалый». Стучал в окно, чтобы было слышнее (см. повесть «Метель»). Так уже в первой строфе стихотворения возникает образная «подсветка» — простонародный колорит, еле уловимый, но несомненный. С развитием лирического сюжета он превращается в очевидность, почти декларацию: «Наша ветхая лачужка / И печальна и темна». Пушкин максимально приближает лирического «я» стихотворения к образу простого человека...

Этот путь от детали к целому И.Л.Альми демонстрирует в процессе анализа лирического творчества Е.А.Боратынского, Ф.И.Тютчева, А.А.Фета. Учителю русской литературы книга даёт в руки тонкий инструментальный филологический анализ, который может быть использован на уроке. Исследовательница показывает, как по ходу развития сюжета стихотворения «деталь будто набухает, вбирая в себя ю же порождаемые обертону».

Остроумно и убедительно раскрывается в книге генетическая параллель между художественным миром пушкинского «Графа Нулина» и судьбою Вареньки в «Бедных людях» Ф.М.Достоевского на основе появляющейся в финале и подхваченной у Пушкина навязчивой художественной детали — «фальбала» «В «Бедных людях», однако, налицо не простой повтор. С необычным словом связана здесь целая игра — сугубо серьёзная, ёмкая по скрывающемуся в ней смыслу».

В статьях о Достоевском устанавливаются органические связи романов писателя с русской поэзией. Исследовательница показывает, что пушкинские чтения, например, играют у Достоевского роль художественных деталей, напоминающих выход на поверхность драгоценной породы. Таковы пушкинские «тварь дрожащая» в размышлениях Раскольниковца или «ночь лимоном и лавром пахнет» в поэме Ивана Карамазова. «Поэтический образ привлекает Достоевского не как формула мысли, в нём для писателя намёк, за которым смутно помнится целое». «Кристалл» цитаты у Достоевского реализуется, пронизывая «разветвлённую художественную ткань произведения, собирая детали картин и чувств в целостности поэтического ядра».

Перспективные наблюдения производит исследовательница над поэтикой поздних драм А.Н.Островского, усматривая в них неожиданные параллели с творчеством Достоевского и опровергая традиционные представления о национальном драматурге как реалисте-бытовике.

И.Л.Альми завершает книгу данью светлой памяти своему учителю, Дмитрию Евгеньевичу Максимова, который характеризуется ею как «исследователь поэзии и человек поэзии». Нет никакого сомнения, что именно эти качества своего учителя унаследовала и продемонстрировала в своих исследованиях благодарная и одарённая ученица.

Ю.В.Лебедев, доктор филологических наук, автор книг и статей, учебников для средних школ и вузов по отечественной литературе

П.С.ГЛУШАКОВ. «ОЧЕРКИ ТВОРЧЕСТВА В.М.ШУКШИНА И Н.М.РУБЦОВА: КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПОЭТИКА» (Рига: Rota, 2009. — 279 с.)

2009 год запомнился многим ценителям творчества Василия Макаровича Шукшина тем, что 80-летний юбилей замечательного русского прозаика ознаменовался выходом нескольких интересных изданий: на Алтае увидело свет новое, наиболее полное на сегодняшний день, собрание сочинений в восьми томах (издательский дом «Барнаул»), а также появился превосходный альбом «Василий Шукшин: жизнь в кино» («Алтайский дом печати»). Достойным завершением этих издательских починов явилась книга рижского исследователя Павла Сергеевича Глушакова «Очерки творчества В.М.Шукшина и Н.М.Рубцова: классическая традиция и поэтика».

В книге латвийского учёного исследуется творчество двух представителей традиционного направления русской литературы второй половины XX века — Василия Шукшина и Николая Рубцова. Работа ставила своей целью представить литературно-художественное творчество писателей в качестве системной целостности, описать основные разновидности смысловых связей и поэтические элементы, а также выявить значимые вехи в восприятии Шукшиным и Рубцовым классической традиции.

Уже во введении к своей работе автор справедливо пишет, что поистине огромная читательская популярность Шукшина и Рубцова, существенное влияние этих писателей на нравственную атмосферу своего времени оставило, до некоторой пор, в тени вопрос о собственно художественной составляющей их творчества. Во многом укоренившееся в исследовательском сознании мнение о «безначальности», «нерукотворности» и «самородности» творческого феномена представителей «традиционного направления» русской литературы нуждается, по мысли Глушакова, в существенном уточнении. Автор книги точно замечает: «Известно, что самые, на первый взгляд, простые явления кроют в себе сложности интер-

претационного порядка; путь от констатации факта к выявлению и формулированию закономерностей может, думать, служить тем надёжным инструментом, который позволит преодолеть многие сложности в восприятии и за мнимой «простотой» разглядеть поистине глубокий и многообразный писательский мир». Все дальнейшие поиски и размышления автора монографии как раз и подчинены этой задаче.

«Очерки творчества В.М.Шукшина и Н.М.Рубцова» открываются обширной и чрезвычайно ценной главой о поэтике слова в прозе Шукшина. Глушаков констатирует, что значимость слова определяется не филологией, а самой жизнью, то есть слово является (или, по крайней мере, может стремиться быть) делом в буквальном смысле. Скрупулёзный анализ тончайших и интереснейших словесных поисков в прозе Шукшина автор книги проводит на материале рабочих записей писателя, устанавливая, что слово для Василия Макаровича — это не только и не столько яркая метафора, «поэтический приём» для создания пресловутого «художественного эффекта» — это *выстраданное* слово, пропущенное сквозь душу творца.

Во второй главе исследования — самой богатой примерами, которые можно с большой пользой использовать на уроках русской литературы, — дан подробный и убедительный анализ различных рассказов В.М.Шукшина: «Микроскоп», «Чудик», «Жил человек...» и многих других. Для автора книги эти рассказы — не изолированное явление, а часть большого материка — художественного мира писателя. Важной представляется мысль П.Глушакова, что различные рассказы в некоторой степени дополняют друг друга, становясь необходимым условием целостности феномена, именуемого прозой Василия Шукшина.

Классическая традиция понимается автором книги как живой диалог Шукшина с Пушкиным, Лермонтовым, Чеховым, как спор со многими ху-

дожественными построениями Максима Горького. Сопряжение таких, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга имён делает писателя, как справедливо утверждает Глушаков, «достойным продолжателем стержневой (основной) линии в развитии русской литературы».

Вторая часть книги посвящена изучению художественного мира Николая Рубцова, и здесь автор книги опирается на устойчивую и достойную традицию нескольких поколений учёных: достаточно сказать, что для концепции филолога очень значимы ценные работы В.В.Кожина. Однако Глушаков сумел внести много нового в, казалось бы, изученную тему: убедительно доказана «кровная связь» лирики вологодского поэта не только с Тютчевым, Фетом и Есениным (что стало восприниматься уже как «общее место»), но впервые в контекст поэзии Рубцова введено имя Г.Р.Державина, а также показаны сходства и различия рубцовского художественного мировидения с построениями Ю.Кузнецова, В.Казанцева, Н.Тряпкина, А.Прасолова.

Нельзя не сказать несколько слов о том, что книга «Очерки творчества В.М.Шукшина и Н.М.Рубцова: классическая традиция и поэтика» снабжена не только хорошей библиографией основных книг о Шукшине и Рубцове, но и имеет удобный указатель имён, благодаря которому можно быстро обнаружить в объёмном исследовании необходимые цитаты и фамилии. Всё это делает монографию Глушакова не только ценным филологическим исследованием, но и полезным пособием для современного учителя-словесника.

Ю.И.Минералов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, Литературный институт им. А.М.Горького